

Трудно поверить, что Марсель Марсо говорит на другом языке, настолько близки, понятны нашим зрителям его герои. Радостное взаимопонимание между актером и публикой возникает

глубокомыслен! И сколько манерности, самолюбования появляется в каждом движении, как только он приступает к работе. Несколько жестов — и герой разоблачен. Соринка, попавшая

Бюрократ гонит человека с этажа на этаж, от стола к столу. В этих переходах человек теряет радость, бодрость, надежду. Смех в зале сменяется тревогой. Она обостряется, когда уличный

Номер «Юность, старость, зрелость, смерть» просто поражает нас умением пластически раскрыть психологию человека, донести до зрителя сложный философский смысл.

смешон и беззащитен, но побеждает именно маленький Давид. В этом поединке мастерство актера достигает вершины. С быстрой кинокадров мелькают перед зрителями то маленький Давид, то верзила Голнаф. Марсо позволяет нам насладиться этой виртуозностью еще раз, когда выходит на аплодисменты публики. И кажется, вот-вот Давид и Голнаф выйдут вместе.

Какую бы программу ни показывал Марсо, он всегда заканчивает ее одним и тем же номером «Мастер масок». Этот номер — как бы итоговое размышление актера, раздумья о судьбах человеческих. Темы смешного и трагического то разделены и получают воплощение в масках, то переплетаются снова. Мастер как будто играет масками. Кажется, он просто развлекает нас, демонстрирует свое мастерство. Но вдруг последняя, шутовская маска как будто сновывает лицо мастера. Он мечется, не может снять ее. Смеется рот, но страдают глаза! Мастер мучительно сдирает маску, устало бросает ее, и остается на сцене грустный и мудрый человек Марсель Марсо.

Сегодня в Ташкенте последний, шестой концерт великого мастера пантомимы. В афишах написано: «В фонд помощи Ташкенту». Спасибо, Марсель!

Н. КАБАНОВА, Н. ПИЖУРИНА

СПАСИБО, МАРСЕЛЬ!

ет с первых же минут появления его на сцене, хотя искусство пантомимы мало известно ташкентцам. Первые миниатюры — это еще только подготовка зрительской фантазии, эмоций. Пока мы следим только за техникой, за точностью движений, привыкаем к необычности языка пантомимы. Человек борется с ветром, идет по лестнице, запускает змея. А вот он уже скульптор. В этом этюде начинается складываться тема иронического отношения к герою. Как величественно задумчив он в поисках темы, как

в глаз творца, приводит его в ярость. Он с легкостью разрушает плод вдохновенных раздумий. В миниатюре «Лень» его герой изображает занятость, за которой нет ни одного полезного дела. Величие старого генерала оборачивается мелочной мстительностью. Чопорная хозяйка благотворительного ужина за дверью в кухне обедает лакомствами.

Пока это смешно. Потому что на сцене нет человека, который от этих пороков страдает. Он появляется в «Бюрократах». Здесь два героя сталкиваются.

Музыкант, у которого отняли его скрипку, послушно бьет в литавры, подыгрывая веселому маршу, а лицо у него такое несчастное, тоскливое! Это уже другая тема Марсо — трагедия человека, попавшего в плен обстоятельств. Она становится единственной в сцене «Клетка». Здесь только на мгновение у человека возникает иллюзия свободы, он вырывается — и снова попадает в ту же клетку.

Мы уже не ищем буквальной точности в движениях мима, мы захвачены внутренней жизнью его героев.

И все-таки Марсель Марсо оптимист. Он подарил миру Бипа — веселого, обаятельного человека. Бип умеет выйти победителем из самых сложных ситуаций. В приключениях Бипа грустное и смешное переплетается. Тема разоблачения человеческих пороков звучит теперь иначе. В светском обществе Бип неловок и смешон, и все-таки он торжествует над всеми условностями, притворной вежливостью, чванством. Черты Бипа мы находим и в Давиде, когда тот вступает в поединок с Голнафом. Он так же

